

Клубника на блюдец

Ближе к полудню стало припекать солнце, и я, осмотревшись по сторонам, надела соломенную шляпу и ускорила шаг. Дело в том, что моя шляпа не совсем простая. Она обвязана широкой синей лентой, а сбоку приколоты нарядные тканевые цветы. Но милиции поблизости не было, столбы с камерами также остались в стороне: я шла по окраине, мимо мусорных баков, каменистого пустыря, заросшего бурой травой, а чуть позже — вдоль старого кладбища. Все дорожие гранитные надгробия уже лет десять как заменили на пластиковые таблички, которые крепились на железный прут и втыкались в землю. Издалека казалось, что над кладбищем парят белые птицы: раскинув крылья, присели на жёрдочку. Ну а если подойти ближе, то начинало рябить в глазах от великого множества одинаковых прямоугольников, уходящих в бесконечность, за линию горизонта.

Большой стенд у центральных ворот информировал посетителей, что надгробия успешно переработаны в кирпичи и пущены на строительство нового приюта для детей-сирот. Тут же, возле стенда, прохаживался сотрудник социальной службы. Подскочив, моё сердце учащённо забило. Я сделала несколько шагов назад и повернула в сторону соседней улицы. «Главное, не беги, не беги, — говорил мне внутренний голос, — храни спокойствие, и он не заметит». Так и случилось. Сотрудник напряжённо смотрел в другую сторону и даже не шелохнулся. Солнечный свет ложился на асфальт ровными продолговатыми пятнами. Деревья, тощие высокие сосенки, отливали тёмно-синим, небрежно утыкаясь в неподвижные облака. Всё хорошо, всё хорошо.

Но всё же я очень испугалась, только за поворотом перевела дыхание. Ну и трусиха! С другой стороны, быть осторожной, проявлять бдительность не помешает. Штрафом, учитывая мои прошлые нарушения, здесь не отделаться, а провести неделю-другую в тюрьме, в грязной одиночной камере, и получать от Кони лишь скромные передачи без возможности увидаться — нет-нет, только не это. Кошмарная перспектива. Наверное, вы уже недоумеваете и осуждаете меня: ну и дурёха, сняла бы шляпу — делов-то. Зачем дразнить судьбу? А самые праведные, пожалуй, так

и вовсе возмущены до предела. Сберегла в своём гардеробе нарядную шляпу, вместо того чтобы продать её и помочь нищим. Ладно, так и быть. Поспешно стягиваю, уминаю опасный артефакт прошлого в свой рюкзак — и прикрываю голову прямоугольной панамой, сложенной из газеты. Теперь — всё как у людей.

На соседней улице оживлённо. Медленно тянется пёстрая вереница машин, а между жилыми домами, больницами, поликлиниками и реабилитационными центрами разбиты небольшие уютные скверы. В клумбах зеленеет трава, такими пышными, ровно подстриженными квадратами. Одно время говорили, что стричь траву — неоправданные хлопоты и растраты. Какая разница, пусть себе растёт косматыми будылями, лишь бы увеличили социальные выплаты пенсионерам. Тут разразилась целая дискуссия — и в результате приняты отдельный закон. Если жильцы окрестных домов пожелают стричь траву, то пожалуйста. На безвозмездных основах не возбраняется. Цветы же, как вопиющий символ ханжества, по-прежнему под строгим запретом. Разрешить цветы — означает спекулировать руками мошенникам, которые будут спекулировать тайными продажами. Тут я невольно улыбаюсь. Однажды мне подарили садовый цветок... Он был засушенный, пролежавший много лет между страницами книги. Тонкие голубоватые лепестки и прозрачный стебель, невесомый, хрупкий.

Я поднесла его к свету, и тогда проступили робкие прожилки, сплелись замысловатые узоры. Созерцание наполнило меня неизъяснимой радостью. Слепок целого мира лежал в ладони. Лесные просторы и тайный говор подземных ручьёв. Потом я опустила цветок на бумажное блюдце, повернула к Кони, склонила голову на его плечо и закрыла глаза. Мы были одни на балконе последнего этажа панельного дома. Сидели на низком диване, застеленном обрезками ковра, пили чай и больше молчали, чем говорили. В соседних окнах уже загорался свет, а далеко внизу гудели машины. Синяя вечерняя дымка смягчала очертания первых неясных теней, смешанных с последними лучами тёплого солнца, томительно застывшего над крышами.

Так сложилось, что нам было тесно и в этой жизни, и в этом обществе, тесно от правил и благородных установок, от забот, социальной ответственности, добрых побуждений. Мы оба тосковали о чём-то другом, избыточном, неправильном, вопиюще ярком, и нередко с удовольствием рассматривали фотографии прошлых веков, на которых демонстрировались примеры пережитков мрачного модерна и дикого капитализма. Почему так сложилось, не знаю. Я воспитывалась в детском доме, Кони — у тётушки Варвары в небольшом заводском посёлке. Говорили, что наши родители погибли при ликвидации последствий от взрыва хранилища атомных отходов, но точно этого никто не знал. Списки до сих пор составлялись и уточнялись. Между тем, когда, засыпая, я закрывала глаза, мне мерещились приоткрытая дверь и узкая полоса света. Сумрак комнаты, чьи-то шаги, тихая грустная песня — больше я ничего не могла вспомнить. Я знала, и знала точно, что родители в этот момент были где-то рядом, в той комнате с приоткрытой дверью, но я не могла их увидеть и от этого чувствовала бесконечную тоску и слабость.

Так вот. Разные мелочи, вроде нарядной шляпы, доставшейся мне по наследству от бабушки вместе с кассетным магнитофоном и хрустальной вазой, сухого цветка или картины на стене, а также бессмысленные украшения, мишура, хлопушка, вспенившая мгновенными блёстками вечернее небо, — всё это возвращало меня в ту комнату из детского сна, вплеталось в полоску света, расширяло, укрупняло её. Так, что я даже могла заглянуть за дверь, вот уже протягивала руку...

— Что за фантазии, Эде?! Тебе же не на что жаловаться! — возмущалась тётя Варвара. — Только подумай! Мы закрыли все пышные храмы, возведённые при Путине, — ох, сколько на них денег было потрачено... Переоборудовали их в столовые для бедных, в лечебницы и morgi. Всю позолоту соскоблили, переплавили драгоценности, а вырученные средства направили в детские дома. Теперь у сирот имеется всё необходимое. Образование и медицина у нас бесплатные. На что ты жалуешься?! — Да ни на что! На что мне жаловаться?... — говорю, а у самой слёзы в глазах.

— Вот-вот.

С тётей Варварой лучше не спорить. Всё равно не объяснить, почему мне стало так грустно, когда на кладбище снесли памятник моей милой бабушки, гранитную плиту с портретом и крестом, и почему мне так больно видеть лишь белую табличку с именем... Сама не знаю. Могила ведь осталась. Травка на ней зеленеет. Этот памятник, говорит Варвара, ничего не меняет, не даёт усопшим радости, они вообще не в курсе, что происходит на поверхности земли; зато у живых детей-сирот теперь есть просторное помещение для занятий.

Тётя Варвара одета в жёлтую тунику и весёлые голубые шорты, заканчивающиеся у колен мохнатой бахромой. Округлая и добрая, словно шарик, она перекачивается по квартире, ловко переворачивает на сковородке куриные котлеты — чуть подбрасывая вверх деревянной ложечкой. Подливает масла — в ответ котлеты начинают аппетитно шипеть, а на подставке уже закипает чайник. — Ну что, у вас-то как дела? — спрашивает Варвара. — Что нового?

Наливает себе апельсиновый сок, бросает в бокал кусочек льда и, вздохнув, принимает к трубочке. Из приоткрытого окна тянет жарким ветром, запахом бензина и горячим, раскалённым асфальтом. Вместо штор окна закрыты пожелтевшей газетой, такая же газета лежит на столе в качестве скатерти. Возможно, скоро разрешат вешать настоящие шторы: по исследованиям некоторых учёных, газета быстро выгорает, а потому затраты на ткань — оправданы. Как говорится, один раз потратиться, зато — надолго. Но пока это, конечно, дискуссионный вопрос. Многие боятся, что если начать с малого и, казалось бы, безобидного — общество быстро, почти мгновенно, скатится к духовному убожеству прошлых веков, к мракобесию, пышности и темноте. Сначала нужно решить острые социальные проблемы, напоминают политологи, а потом мы уже займёмся праздной эстетикой, культурой, наведением красоты. Но никак не наоборот. А что у нас? Да почти ничего нового.

Кони тоже присаживается за стол. Его светлые волосы собраны в пучок на макушке, а взгляд сосредоточенный и грустный. Вчера мы долго гуляли по вечерним улицам, отдыхали возле клумб, покупали в центральном киоске мороженое, пили сладкий кофе с молочной пенкой и танцевали на берегу серой безымянной реки, в сумерках и босиком. Прохладный песок скрипел, просаживаясь под ступнями. И только сосны, высокие, вековые, верхушки которых уходили в бесконечность, за все провода и антенны, были свидетелями нашего праздника, нашего счастья. Но наступил новый день, и старые проблемы вновь слепили своё кольцо, обхватили жёстко и равнодушно, словно тесные наручники. Мы встречаемся уже третий год, но вступить в брак пока так и не можем. Поселиться же вместе, сожительствовать — такой вариант нас не устраивает по многим причинам, которые называют «пережитками тёмных веков»; эти причины основаны на шёпоте, тайных знаниях, обрывках старых писем, мотивах запрещённых песен, красочной фреске храма, переделанного в столовую, вдохновенном возгласе встречного бродяги, сбежавшего на день из ада социального центра. Связаны с ощущением подлинного чуда, неслучайности, некой вечной правды, что выше простого благополучия и сытости.

Да, конечно, сами свадьбы не возбраняются. Только после росписи в загсе необходимо провести какую-нибудь крупную благотворительную акцию. Например, накрыть столы с угощением для всех нищих города или же купить новое оборудование в больницу. Без этого условия семейный союз двух влюблённых невозможен, но где взять столько денег? Учитывая растущие налоги и прочее, и прочее.

— Я понимаю, что у вас ничего нового, — неожиданно говорит Варвара, — зато у меня есть пара новостей. Последнее время у меня голова что-то болела, прям раскалывалась. Пошла в клинику, и мне предложили лечь на обследование. Так что собираю сейчас вещи. Навещать меня не нужно. Хотя от свежей клубники я бы не отказалась...

— Тётя! — говорит Кони. — Да как же так?..

— Да вот так! Подумаешь, — она машет рукой. — Клиника хорошая, всё бесплатно. Жаль только, документы на смену имени подписать не успею, да ничего. Это вам повезло — сразу, с рождения, новые приличные имена. И как ведь красиво и содержательно: Кони — «корми нищих», Эде — «экономь деньги». Повезло же вам, друзья! Как было раньше, не знаете... Раньше — что? Кучу денег тратили на украшение улиц, хо-хо. Меняли в городе бордюры, вешали на столбы горшки с цветами — безумие. А на салют сколько средств грохали! О-хо-хо...

— Салют... никогда его не видела... Ведь это же красиво?

— Не дури, — завершает тётя разговор. — Мало ли что красиво? А каково любоваться небом, если ребёнку-инвалиду не хватает денег на лечение? Салют красив, о да. Нас эта ситуация просто изводила...

В целом всё было как обычно: вкусный обед и предсказуемый неспешный разговор; лёгкая бледность тети Варвары не пугала, напротив, добавляла ей благородной утончённости и скромной красоты; на медицинские обследования она также ложилась регулярно, примерно раз в полгода, поэтому я очень удивилась, когда рано утром позвонил Кони и попросил скорее заехать. О том, что разговор предстоит серьёзный, совсем не телефонный, подчёркивали его приглушённый, чуть охрипший голос и торопливая, сбивчивая интонация. Кроме того, это были дни обязательных общественных работ, и то, что Кони найдёт для встречи минуту-другую, лишь усугубляло тревожные предчувствия.

— Бегу, — кратко ответила я.

Застегнула сандалии, поправила одноцветное серое платье, простое, без всяких украшений — только пояс, ленточка, завязывающаяся сзади бантиком, и выскочила на улицу, в жаркое движение и копоть заводских труб. Трава и кусты около подъезда клонились к земле. Кажется, само небо

попыхлоло от сильного знойного ветра, кромсающего облака так, что из кружевных и лёгких они стали обвислыми, какими-то увядшими, похожими на белёсые подтёки разлитого молока.

Всё предвещало сильную бурю, может быть, скорый ливень и град, а потому я вернулась домой за плащом. Но, поскольку найти его не смогла, схватила шляпу моей бабушки, любимый не прогулочный артефакт, за использование которого легко получить штраф, а то и вовсе оказаться под арестом. Впрочем, эти правила не распространялись на дождливую погоду — тогда допускалось любое укрытие, даже самое нелегальное. Наверное, вы слышали, что последние годы участились кислотные дожди, от которых облезает кожа? Особенно нужно беречь лицо и глаза, предупреждают врачи; на проспекте Ленина даже открылась специализированная лечебница для тех, кто пострадал от дождя.

Ох! Нет худа без добра. Видели бы вы, как преобразается наш город в дождь! Народ выходит в замысловатых одеяниях, в каких-то блестящих длинных платьях, на груди вздымаются тяжёлые бусы, похожие на пузыри, запястья оплетают тусклые цепочки, браслеты, воздушные сцепления колец. Широкие зонты завершают образ, частично скрывая это варварское благолепие. Конечно, так поступают не все — многие проходят быстро и невзрачно. Буднично исчезают за пеленой дождя, упакованные в скучный антикислотный комбинезон. Те же чудачки ещё долго стоят перед глазами; важно плывут в своих пёстрых и нелепых одеяниях, словно болезненные видения прошлых веков.

Но вот выглядывает солнце — и всё возвращается на круги своя... Словом, в какой-то степени я даже любила и поджидала дожди, которые случались не так уж часто из-за химического разгона облаков. В тот раз мои ожидания не оправдались — может быть, и к лучшему.

Я уже подходила к строительному комплексу, когда меня кто-то окликнул.

— Девушка! — спешила навстречу работник социальной службы. — Пойдите, пойдите. Вы не видели, где-то тут бомж обитает? Мы приехали за ним, вот только что сидел среди кустов. Отвернулись взять медикаменты. А теперь никого... Это не вы заявление подавали? Ну, что заметили деклассированный элемент...

— Нет-нет, — замахала я руками, — не подавала, я вообще не из этого района.

— А из какого? — подозрительно взглянула работник.

Она была одета в закрытый медицинский костюм, но из-за сильной жары сняла белые перчатки, и я вдруг увидела её неровные, в красноватых рытвинах, ладони, изъеденные тлей-мутантом, которую в народе называют «зубаткой». Страшно представить: только год назад удалось уничтожить

этих опасных тварей, откладывающих личинки в городских щелях. Это, кстати, одна из причин, почему здания теперь перестраивают, укрепляют цельными бетонными пластинами с использованием ультрафиолетовых лучей.

— Не из этого района,— упрямо повторила я и сделала шаг вперёд.

— Подождите, сейчас я померю давление, у вас как-то глаза странно блестят. Признаки лихорадки, возможно...

Я ничего не ответила, лишь ускорила шаг. Вот не повезло! И так опаздываю, а тут ещё вот привязалась...

За строительным комплексом, огороженным высоким забором, возле огромной свалки, я заметила того самого бездомного. Он сидел на корточках среди картонных коробок и держал на коленях батон белого хлеба. Щурясь от солнца, отламывал крупные ломти и неспешно жевал.

— Вот чего вам не живётся?!— не удержавшись, воскликнула я.— Всё же, всё обустроили... приюты, столовые...

Хотелось просто рвать и метать, ведь из-за таких вот упрямых доходяг мы никак не можем обрести новый уровень жизни, трудишься— трудишься, но социальные проблемы не уменьшаются. Максимум— деформируются.

Он ничего не ответил. Его лицо мне показалось странно знакомым: острый, цепкий взгляд и бессмысленная блуждающая улыбка, выступающая то на одной стороне щеки, то на другой. Точно. Этот же тип обитал одно время возле моего подъезда и спал в картонных коробках, которые приносил с собой. Как-то раз ночью меня разбудили истошные крики. Выглянув в окно, я увидела карету Социальной помощи. Несчастного старика связали, погрузили на носилки и несли к машине, чтобы отвезти в приют. При этом он так вопил, словно его отправляли не в чистое благоустроенное жилище, где он будет сыт и счастлив, но в саму преисподнюю.

— Ищут,— зачем-то, неожиданно для самой себя, сказала я.

Он тут же понимающе моргнул, подхватил хлеб в одну руку, коробку в другую— и, прихрамывая, помчался в сторону гаражей. Уже в следующее мгновение здесь никого не было. Только крошки хлеба на земле. Только пара голубей, сосредоточенно толкующихся.

Когда со стороны забора показалась белая шапочка социального работника, я уже была возле ворот и набирала код. Щёлкнул замок, тяжёлая дверь приоткрылась— и я скользнула в сумеречное полуподвальное пространство. Вокруг были одни трубы, пахло сыростью. После яркого солнца мои глаза утратили способность что-либо воспринимать; казалось, я прыгнула в глубокую яму, упала в расщелину земли и теперь нахожусь по ту

сторону живой, кипящей, разноцветной жизни. Всё стало чёрно-белым, как после пожара, и глухим. Звуки также сюда не проникали. Лишь в отдалении гулко и монотонно капала вода.

Отсюда уходили десятки подземных трасс, и день и ночь совершалась невидимая работа— производство защитного бетона, переустановка молекулярных схем, замена устаревших оборудования; в капсулах зрели зародыши мутантов и чудовищ, а в холодильниках лежали замороженные органы «людей будущего» и образцы мёртвых тканей— конечно, в рамках эксперимента. Такая вот мельница, всемирная научная лаборатория, на обслуживание которой в обязательном порядке привлекались и простые граждане, оплатившие штраф позже указанного в квитанции срока.

— Эде!— я почувствовала сзади, на своих плечах, руки.— Наконец...

— Кони...— обернувшись, я прижалась, крепко обняла.

Его верхняя губа была рассечена, запёкшаяся кровь застыла тонкой коркой.

— Что случилось?!— с ужасом спросила, отстраняясь.

— А, не, ничего страшного... не важно. Послушай, вот... Времени совсем нет.

Тут он протянул ведёрко, прикрытое белой тряпочкой.

— Что это?

— Клубника. Тёте стало намного хуже, сегодня сообщили. Ситуация очень серьёзна. Но я не могу вырваться, с трудом договорился, чтобы на пять минут заменили, постояли у станка. Надо бежать, всё...

— Отвезти клубнику?

— Да, и самое главное. Тётя хочет её взять, но не из бумажной тарелки— а из настоящей, фарфоровой. Такие были раньше. Она этим бредит. Врач сказала, что это не причуды, а симптомы смертельного заболевания. И, чтобы тётя поправилась, нужно её желание исполнить.

— Исполнить? Но как?!

— Обо всём уже договорились, врач выписала рецепт, а музей «Тёмная старина» выделил из своих хранилищ одну тарелку. Справка на провоз имеется...

— И ты всё успел?..

— Ну да, с пяти утра решали... Не успел, всё равно опоздал на производство,— он потрогал рубец над губой.— Беги, Эде. Беги скорее, нигде не задерживайся. Ситуация критична, и нужно спешить. Самокат возьми.

Наклонившись, он быстро поцеловал меня.— Адрес ты знаешь. Тарелка на дне ведёрка, под клубникой.

И вот я вновь на яркой стороне мира. Облака разогнали, медовое солнце важно стоит над

крышами, контрастные блики теней. Дохожу до ближайшей стойки самокатов и, приложив карточку, оформляю одну поездку. Теперь—вопрос скорости колёс и моего везения. На ручку руля с одной стороны вешаю ведёрко, а с другой, подтянув ремни,—рюкзак. Отталкиваюсь, зажмуриваю глаза, потом открываю и уже слежу, не отрываясь, за дорогой. Вовремя притормозить на светофоре, ловко проскочить выпуклую крышку люка, перелететь бордюры, резко подтянув руль вверх. Только ветер свищет. Прутья встречных кустиков, линии домов.

Еду в обратном направлении, мимо интерната, строительного комплекса, свалок и больниц, вдоль оживлённой улицы, затем поворот и покатый спуск в сторону кладбища. Так—будет скорей; потом можно будет срезать наискосок—и вот он, через два или три супермаркета, нужный госпиталь.

Неожиданно, врываясь плеском красных фар, самокат подрезает машина Общественной помощи. С трудом успеваю затормозить, до предела прижав панель над задним колесом. Дверца открывается—и вместе с сотрудником милиции выходит та самая работница социальной службы, в белой шапочке и перчатках. Они настолько слаженно и одновременно выскакивают с разных сторон передних дверей, что на мгновение кажется, будто машина—такой громадный жук—выпустила крылья и теперь улетит.

Рядом знакомое кладбище, белый разлив до горизонта.

—Имеются показания о неоднократных нарушениях за сегодняшний день,—монотонно сообщает милиционер.—Кроме ношения запрещённых аксессуаров, вы подозреваетесь в сговоре с тёмными элементами подпольных организаций, практикующих нищету и безработицу...

—Ого!—выдыхаю я, и у меня холодеют руки.

Это очень серьёзное обвинение.

—Всё так и есть,—кивает головой работник,—у меня имеются доказательства. Скорее всего, она ещё связана с делом гробов. Зачем иначе проходить два раза мимо одного и того же места, тем более мимо кладбища?.. Не иначе, чтобы получить определённые сведения.

—Дело гробов...—ситуация становится всё менее понятной.—Но...но мне кажется, вы что-то перепутали.

—Вот и проверим. Сегодня утром от начальника кладбища поступило сообщение, что была предпринята попытка захоронения в дорогих гробах. Дубовых вместо картонных. Более того—обитых атласной материей с оборками...

—Ужасно!—не выдерживает работница.—Что дубовые, слышала. Но тут ещё и пышные оборки! Цинизму просто нет предела... Та-а-ак... Тратить деньги, когда есть голодные. Есть дети, которых надо лечить.

—Ничего не знаю,—я пытаюсь развернуться, но вижу, что с другой стороны уже стоят машины милиции, моргают красными фарами.

—Послушайте, можно не сейчас?! Мне нужно успеть по срочному делу!

—Есть обездоленные, нищие, дети-сироты...—тянет жалостливую песнь социальный работник.—Хватит ставить свои срочные дела на первое место. На первом месте у нас—помощь нуждающимся. Когда, если не сейчас?

Пыльный ветер кружит между ровными рядами табличек, над невысокими холмами. И мне вдруг представляются белые голуби, молчаливо и крохотко заполнившие пространство, и крошки хлеба. Обычные крохи мягкого хлеба, рассыпанные для птиц небесной рукой.

Когда солнце срывает маску

Я родилась в период великого карантина. Мои родители, Пётр Николаевич и Дарья Павловна Сапожкины, в молодости своей много путешествовали и работали в развлекательном центре «Сак-воаяж». От того времени сохранились стопка цветных фотографий, сувениры, выцветшие шляпы и стоптанные сапоги, а также разные истории. Когда родители начинают что-либо вспоминать, а это случается нередко,—у меня замирает сердце, так хорошо становилось. И удивительно, и страшно...

Карантин застал нас на съёмной квартире в Лефортово. Там мы и остались жить, платя исправно хозяйке, так как отец мой вовремя сумел наладить дистанционную работу и перевёл все развлечения на онлайн-платформу. Так же и мама—продолжала вести свой кружок по акварельному рисунку, с той разницей, что теперь она сидела не за мольбертом в просторном зале, а дома, перед монитором компьютера. Все выставки стали виртуальными. Новые картины загружали в специальный альбом, а на торжественное открытие этого альбома собирались в нарядных платьях, открыв скайп в назначенный час...

Родители могли бы вернуться на малую родину, в Тульскую область. Но решили остаться в Москве.—Будем жить в Лефортово!—сказал мой папа.—Возможно, скоро всё разрешится... Потерпеть до лета. При жаркой погоде вирус не живёт.

Впрочем, когда я родилась, в начале мая, ещё можно было выходить в ближайший магазин или, например, в аптеку. Как-то раз, завернув в шерстяное одеяло, меня вынесли на улицу! Как говорит мама, я потрогала рукой ствол дерева. Пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь. Что-то ведь я тогда почувствовала, верно?! И даже немного горжусь перед Ноточкой—своей виртуальной подругой. Вот её на улицу родители ни разу не выносили. Глаза Ноты загораются.

—Расскажи!—просит она и стучит пальцем по экрану от нетерпения.

Но, увы, воспоминать не удаётся. Плотный смог застилает город... ничего не вижу, кроме смутных очертаний дальних домов. Привычный вид из нашего окна...

Сквозь многослойные марли и поролоновую защиту солнце пробивается едва-едва. Поэтому мы с сестрой стараемся встать пораньше и сразу припадаем к оконному стеклу, чтобы поймать краткий золотистый отблеск. Тёмное небо, обвитое медицинской повязкой, медленно меняет свой цвет. Из угольно-чёрного становится дымчато-серым, а в пасмурную погоду — кофейным, с тёмными разводами, похожим на перевернутую плетёную корзину. И вот тогда, в момент перехода, смены ночи и дня, на долю секунды всё озаряется светом. Не таким, какой бывает от электрической лампы. Но живым, очень лёгким и прозрачным... Как же мы любим свет! Этот краткий и нежный, грустный, но одновременно победный и прощальный взмах робких лучей! Не случайно родители назвали меня Кирой, что в переводе с персидского означает «солнце». Ведь они надеялись, что с приходом лета и жаркой погоды — погибнет вирус-мутант...

Но — увы. Папины прогнозы не оправдались. Напротив, выяснилось, что вирус способен заражать не только людей, но даже моря и далёкие планеты. После того как с неба упал осколок звезды, смертельно заболел один мальчик. Он сумел словить этот самый осколок, выставив из окна своей многоэтажки сачок: «Просто так ловил, чтобы желание загадать». Медики выявили, что заразился мальчик от упавшего осколка, в теле которого уже был запущен губительный процесс, он-то и ослабил крепление звезды к небу, она стала осыпаться и в конце концов упала. Тогда взоры всех обратились к солнцу. Если заболевает солнце — то это, считай, всё. Конец. Всякой жизни и всех надежд. Три месяца, три недели и три дня заседали учёные всего мира. В итоге приняли решение изготовить для солнца специальную защитную маску. Лёгкую и прозрачную. Но поскольку носить её солнцу не желало, проявляя ужасающую беспечность: лучи так и брызгали во все стороны, а если заразится хоть один малый луч, то, считай, вся Вселенная пропала, — пришлось закрыть повязкой всё небо. К счастью, инфекция от той звезды на другие планеты не распространилась — медики отреагировали оперативно и успели поместить планеты в карантинные капсулы. Итак, небо удалось спасти. Правда, свет сквозь плотную повязку пробивался едва-едва...

— Кира, солнышко, — говорит мне мама, — наведи порядок в своей комнате. Сегодня к нам в гости заглянет бабушка.

Наша бабушка живёт в крохотном домике в Тульской области. Раз в неделю она выходит на связь и осматривает через камеру нашу квартиру.

Меня не очень радуют такие посещения, зато родители готовятся и ждут. Они пекут яблочный пирог и заваривают вкусный чай с корицей.

Изображение на экране дрожит, бабушка постоянно крутит головой так, что я толком до сих пор так и не успела её рассмотреть.

— Это же твоя бабуля, Кира! — наставительно говорит папа. — Ты должна её любить. Помаша ей ручкой и улыбнись.

Но вместо этого я забиваюсь под стол. В самый дальний угол, куда камера добраться не может. А когда всё же, заскучав, выхожу из своего убежища — совместный ужин в полном разгаре. Мне отрезают кусок пирога. Папа подхватывает и сажает на колени.

— Смотри, какое варенье сделала наша бабушка! — шепчет мне на ухо. — Вот это да...

На экране появляется пузатая стеклянная банка, наполненная чем-то оранжевым, такая большая, что закрывает лицо бабушки. Только круглые очки тускло блестят над банкой да хвостик на самой макушке торчит. Идут помехи, связь нарушается... — Слишком большая нагрузка на сеть! — сокрушается мама. — Бабулечка, прощай! До следующей субботы! Если тебе понадобится какая помощь — звони! Могу помочь вскопать грядку социальной сети. У меня есть подборка очень красивых цветов, рассады... Также можем увидеться на вебинаре, посвящённом подоконниководству! Собираюсь посетить...

Но последние слова бабушка вряд ли слышит. Экран подёрнулся чёрной завесой, а затем, пискнув, проявил заставную картинку — земляничную поляну и облака.

— Ну наконец... — замечаю я. — Пусть сама сажает цветы. Нам-то что?

— Тебе не понять... — на глазах старшей сестры выступают слёзы.

Верное, и правда не понять. Вероника успела пожить ещё до начала великого карантина. Она ездила в гости к бабушке. Только представить! Не просто видела, но могла и потрогать! Обнять. А ещё она рассказывает про лужайку, которая под окнами домика. И что на той лужайке можно бегать...

Сегодня произошло необычное событие. Сильный дождь прорвал небесную марлю, и тут же к нам, на всегда сумрачную, словно обугленную, землю, хлынул поток солнечного света. Он сметал всё на своём пути. Дрогнув, рассеялся плотный смог, и вдруг... в прорехе, среди белых ошметков марли, полыхнул разлив голубого. Это не описать словами. Мы будто встали на воздушные качели и, оттолкнувшись, воспарили. Устремились туда, далеко, в золотое сказочное пространство... Пока учёные трудились, где-то полчаса прикладывали заплатку, мы не отходили от окна и любовались

дивным явлением. Но вот столб света,ประดิцифицировав спиртовой раствором, медики зачихали обратно. Ультратонкой иглой зашили брешь, а потом наложили толстый слой тампонов и приделали дополнительную заплатку. Стало ещё темней, чем прежде.

Тогда сестра загрустила и ушла смотреть фильм, а я отправилась путешествовать по квартире. Конечно, больших открытий меня ждать не может. Знаю каждый уголок, каждый развод на обоях. Но мне нравится брать в руки старые предметы и фантазировать. Например, в кухонном шкафу стоит много одинаковых чашек с блюндами. Мама сказала, что это называется сервиз. Раньше его доставали на праздники, когда приходили гости. Все двенадцать чашек! Общение шло не через экран—а так, напрямую. Как я разговариваю с Вероникой или с родителями. Вроде бы такое возможно... Но как? Каким образом изображение—вроде нашей бабушки—может обратиться в человека? Как оно может прийти в гости и взять чашку? Пытаюсь соединить две реальности, но не получается... Не хватает какой-то смычки. Вроде бы ответ где-то рядом, но нащупать не удаётся. При этом я прекрасно понимаю: бабушка реальна—только для нас она на экране. Так же как и мы для других людей. А теперь попробуйте эту теорию конвертировать в практическую действительность. Вот то-то и оно. Не сходится.

Пытаюсь своими переживаниями поделиться с Вероникой. Но она не понимает. Говорит:

—Да ну... всё просто. Что тут такого? Достали сервиз, разлили чай. Гости сидят на стульях.

—А изображение на экранах?

—Выключено.

—То есть ты разъединяешь...

—Что разъединяю?

—Цельность человека, его изображения, души и трансляции... Так не бывает. То, о чём ты рассказываешь.

—Ой, ладно!—говорит она.—От твоих пустых разговоров только депрессия появляется. Вот, я уже первые признаки чувствую...

Красивые глаза Вероники становятся печальными, и она садится на пол, прислонившись к стене. Голова чуть откинута, руки лежат на коленях—ладонями вниз. Взгляд устремлён в одну точку. В такой позе она может просидеть очень долго, несколько часов. Мне становится скучно.

Больше всего я люблю играть в «Зелёную лужайку». Представляю, что она находится под окнами—и я по ней бегаю. Папа купил даже специальный коврик с ворсом, имитирующим травку. Говорят, что рано утром на траве выступают капельки влаги—роса. Поэтому, перед тем как начать игру, опрыскиваю коврик водой. Всё. Можно бегать и прыгать, конечно же, босиком.

Есть у меня и одно невероятное желание. Это—увидеть скалера. Скалер доставляет заказанные покупки из магазина к нам домой. Личность загадочная и неуловимая. Просто на тумбочке за дверью квартиры в определённый час появляются пакеты со всем необходимым для жизни. Вероника или кто-нибудь из родителей выглядывают и всё забирают. Миссия до того ответственная, что мне ни разу не поручали, как я ни просила.—В подъезде витают вирусы!—строго говорит папа.—Это приключение не для маленьких девочек. Всё, что захочешь, мы тебе купим. В рамках разумного. Только не хнычь.

Я знаю, что скалер одет в специальный костюм и маску. Он отважный человек и работает с выходом на улицу—хотя понимает: шансы выжить минимальны. Увы, вирусы, словно иглы, прокалывают любую защиту. Нужен лабиринт из марли протяжённостью не меньше километра—тогда они не смогут проникнуть. Конечно, удачу никто не отменял. Поэтому некоторые скалеры работают года два-три. Их словно что-то бережёт. А другие заболевают очень быстро... Хочется стать скалером и отправиться в путешествие по городу—правда, в машине. Потом с дорожной котомкой за плечами заходить в подъезды, подниматься по лестнице, кататься на лифте... Мне кажется, я бы успела узнать много интересного и необычного... А пока... я загадала маленькое желание.

И однажды всё сошлось. У мамы намечалось очень торжественное и долгожданное мероприятие—открытие международной выставки. Она сидела перед компьютером в чёрном бархатном платье, завитые волосы были собраны в высокую причёску, которую она часа два делала перед зеркалом. И в этот момент поступил звонок от скалера—который был уже недалеко от нашего подъезда. Оказывается, про заказанный товар—яблоки к традиционному пирогу в честь встречи с бабушкой—все в суете как-то забыли... И вот теперь...

—Я никак не могу в подъезд!—воскликнула мама.—На выставке будут присутствовать почётные гости. Если они почувствуют недостаток внимания, наш проект может потерять свою хорошую репутацию!

—Ну а у меня сейчас важное совещание! Не могу же я отменить?!—возмутился папа.

—А без яблок мы не сможем испечь пирог!

Все взоры устремились на Веронику. Она уже второй день лежала с депрессией и, несмотря на некоторое улучшение, пока не могла встать...

—Пап, мам!—подключилась я.—Да ладно вам! Заберу всё, буду осторожной. Минуту в минуту сделаю!

Дело в том, что очень важно высчитать время, когда забрать посылку. Она уже оплачена через онлайн-систему, но нужно подгадать, чтобы:

а. выглянуть не раньше положенного времени — и не застать самого скалера, защитный костюм которого может излучать заболевание;

б. но и не позже — иначе на пакеты осядут вирусы, забьются в самые удалённые уголки, и тогда дезинфицирующий раствор может оказаться бессильным.

Уверяю родителей, что у меня всё получится. Можно не беспокоиться.

— Но если ты готова... — неуверенно говорит мама.

— Ну конечно, конечно!

И меня облачают в комбинезон. На лицо натягивают маску. Ставят на тумбочку часы.

— Не пропусти нужную долю минуты!

Наконец суета стихает. Родители уходят к своим мониторам. В наступившей тишине слышны лишь хриплое дыхание и приглушённые стоны Вероники. Не отрываясь, я слежу за временем: моя тайная задача — подгадать и рассчитать приход скалера. И... выйти чуть пораньше. От напряжения начинает кружиться голова. Прислушиваюсь ко всем, даже малейшим, звукам со стороны лестницы. Их — множество. Подъезжают и отъезжают кареты скорой помощи, кашляют соседи, где-то

скулит собака... Постоянный ворох звуков, среди которого мне нужно угадать те самые шаги...

И хотя они почти бесшумные — скалер ступает мягко, невесомо, — я успеваю приоткрыть дверь и выглянуть в тот самый момент, когда он ставит на тумбочку пакеты. Он уже собрался уходить, развернулся спиной, но, видимо, от неожиданного щелчка замка, замедлил шаг и оглянулся. Тут я всё и увидела. Половина его лица была скрыта белой медицинской маской. Из-под капюшона виднелись пряди тёмных волос. И глаза были такие же тёмные, грустные. Он посмотрел на меня, кивнул, здороваясь, — и пошёл дальше. А я забрала пакеты, попрыскала на них специальной анти-вирусной жидкостью. Старалась всё делать не спеша и обыкновенно, чтобы у домашних не возникло вопросов, чтобы сохранить нашу маленькую тайну как можно дольше...

Откуда-то изнутри поднимался ликующий жар, согревая сердце. И тут я поняла, что больше не хочу прыгать на искусственной лужайке. Да и рассматривать забинтованное небо неинтересно. Самое главное — было здесь, со мной; в точке, подобной вспышке, — когда наши взгляды встретились. И этого уже никогда не отнять...